

ГАДЖИ-МУРАТЬ.

(Биографическій очеркъ) (*).

Въ числѣ знаменитыхъ предводителей шамилевыхъ скопищъ, первое мѣсто, безспорно, занимаетъ Гаджи-Мурать, имя котораго, въ должніе двѣнадцати лѣтъ, гремѣло по всѣмъ мѣстамъ Чечни и Дагестана. Это былъ самый храбрый, ловкій, предприимчивый и вліятельный сподвижникъ Шамиля.

Онъ былъ уроженецъ Аваріи. Какъ протекало дѣтство Гаджи-Мурата, что послужило къ развитію въ немъ того энергическаго, сильнаго духа, съ которымъ онъ явился впоследствии какъ политическій дѣятель, объ этомъ не дошло до насъ никакихъ извѣстій. Въ первый разъ имя его дѣлается извѣстнымъ только въ тридцатыхъ годахъ, какъ имя знатнаго бека, отличавшагося въ схваткахъ къ Кази-муллоу, полчища котораго наводнили тогда Аварію, съ цѣлю распространить въ ней идеи мюридизма. Попытка Кази-муллы, однако, не имѣла успѣха: онъ былъ разбитъ аварцами, и Гаджи-Мурать (**), собравъ на полѣ битвы значныя знамена, брошенные бѣжавшими мюридами, отправилъ ихъ прямо въ Тифлисъ, къ барону Розену, какъ доказательство вѣрности аварскаго народа.

Неудача Кази-муллы не остановила его преемниковъ. Та власть, которая сосредоточивалась въ рукахъ аварскихъ хановъ, была необходима имамамъ. Отсюда новыя домогательства ихъ покорить Аварію. «Не имѣя достаточныхъ средствъ къ сопротивленію — гово-

(*) Матеріалами для этой статьи служила собственная записка Гаджи-Мурата, находящаяся въ дѣлахъ архива генеральнаго штаба, письма князя Воронцова къ военному министру, хранящіяся тамъ же, и, кромѣ того, изъкоторыя журнальныя статьи, служащія какъ бы дополненіемъ и поясненіемъ къ разсказу самого Гаджи-Мурата.

Пр. аст.

(**) Въ этомъ бою, происходившемъ подъ стѣнами Хунзаха, Гаджи-Мурать лишился своего отца, убитаго мюридами.

Пр. аст.

рить Гаджи-Муратъ въ своей запискѣ—я, вмѣстѣ съ Омеръ-ханомъ, управлявшимъ тогда Аварією, отправился въ Тифлисъ, просить барона Розена о помощи. Мы прожили въ Тифлисѣ десять дней, ничего не добились, и когда возвратились, то Гамзатъ-бекъ, наследовавшій Кази-мултѣ, вошелъ въ Аварію и, истребивъ измѣнническимъ образомъ аварскихъ хановъ, запялъ Хунзахъ».

Правленіе его продолжалось, впрочемъ, лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Имя постоянною цѣлью освобожденіе родины, Гаджи-Муратъ поклялся отмстить за смерть законнаго хана и подъ рукою сталъ набирать себѣ партію. Народъ, ожидавшій только сигнала къ возстанію, заводновался. Тогда составился заговоръ, въ главѣ котораго сталъ братъ Гаджи-Мурата, Османъ Гаджіевъ, и день, когда имамъ обыкновенно совершалъ публичныя молитвы въ мечети, былъ избранъ ими для его умерщвленія.... Напрасно Гамзата предупреждали о заговорѣ. «Можешь-ли ты остановить ангела, котораго Аллахъ пошлетъ за твою душу?—спросилъ онъ одного мюрида, который настаивалъ сильнѣе прочихъ». «Разумѣется, нѣтъ!» отвѣчалъ мюридъ. «Такъ иди спокойно домой и знай, что никто не можетъ избѣгнуть того, что суждено ему свыше», сказалъ ему Гамзатъ.

Дѣйствительно, дни Гамзатъ-бега были уже сосчитаны. Едва онъ прибылъ въ мечеть, какъ, пораженный зловѣщимъ видомъ нѣсколькихъ людей, стоявшихъ поодаль и укутанныхъ въ бурки, скрывавшія не только нарядъ, но даже лица незнакомцевъ, остановился въ нерѣшимости. Отступать было поздно, потому что заговорщики (*) тотчасъ напали на мюридовъ. Чернь, бушевавшая на улицахъ, вломилась въ мечеть и приняла участіе въ ожесточенной сѣчѣ. Османъ Гаджіевъ, пробившійся до самого Гамзата, нанесъ ему смертельный ударъ кинжаломъ, но, въ свою очередь, тутъ же былъ зарубленъ мюридами. Аварцы, однако, побѣдили. Обнаженное тѣло Гамзата было брошено на поруганіе черни и, въ продолженіе четырехъ дней, валялось на площади. Мюриды были истреблены или выгнаны изъ Хунзаха; только родственники Гамзатъ-бега, укrywшіеся въ ханскомъ дворцѣ, долго не хотѣли сдаваться; но и они, наконецъ, были выбиты, схвачены и сброшены въ кручу. Тогда хунзахцы единодушно избрали Гаджи-Мурата, какъ одного изъ главнѣйшихъ виновниковъ переворота, своимъ предводителемъ и, вручивъ ему власть, просили водворить порядокъ въ странѣ ограбленной и опустошенной мюридами. Гаджи-Муратъ съ энергією принялся за дѣло. Когда объ этомъ узнали въ Тифлисѣ, ему пожаловали чинъ прапорщика

(*) По показанію Гаджи-Мурата, ихъ было около десяти человѣкъ. *Ир. акт*

милиции и, до приезда казикумхского хана, оставили управлять Аварію.

Упорно отставив край отъ домогательствъ новаго имама Шамиля, Гаджи-Мурать, въ разгарѣ дѣятельности, долженъ былъ, по настоянію русскихъ, уступить свое мѣсто сперва Магометъ-мирзѣ, хану казикумхскому, а потомъ хану мектулинскому, находившимся въ ближайшемъ родствѣ съ нѣкогда грознымъ аварскимъ домогъ. При послѣднемъ правителѣ, вопросъ о занятіи Аваріи русскими войсками былъ рѣшенъ окончательно: 27-го мая 1837 года восемь баталіоновъ пѣхоты и три сотни казаковъ, съ 22-мя орудіями, подъ начальствомъ страшнаго для горцевъ генерала Фези, заняли Хунзахъ. Такъ какъ возраставшее могущество Шамиля грозило Аваріи новыми бѣдами, то генераль Фези тотчасъ двинулся противъ имама, взялъ Ашальты, окружилъ Телитль и заставилъ Шамиля дать клятву не тревожить болѣе горцевъ (*).

(*) Въ одномъ рукописномъ сочиненіи о кавказской войнѣ намъ случилось прочесть слѣдующій характеристическій очеркъ какъ этой экспедиціи, такъ и личности самого генерала Фези.

„Фези, говоритъ неизвѣстный авторъ, принявъ въ 1835 году 20-ю пѣхотную дивизію, имѣлъ порученіе отъ Вельяминова заняться лично дѣлами лѣваго фланга. Его пребываніе тамъ, а потомъ въ Дагестанѣ, замѣчательно тѣмъ, что пролило много крови и не приобрѣтено ни малѣйшей пользы. Въ 1836-мъ году, желая наказать два племени, сдѣлавшія набѣги на линію, онъ пошелъ въ дѣсную Чечню въ трескучіе морозы, надѣлалъ тамъ чудесъ, навелъ страхъ на чеченцевъ, но вмѣсто однихъ наказалъ другихъ и этимъ вооружилъ противъ себя и чрчыхъ, и виноватыхъ. Его перевели въ Дагестанъ. Тамъ онъ тоже надѣлалъ много чудесъ, вступилъ въ Аварію и забрался въ такія мѣста, откуда едва вышелъ. Наконецъ, около пула Телитля, Шамиль окружилъ генерала Фези, и Фези, будучи блокированъ, въ то же время самъ заперъ Шамилю выходъ изъ ущелія. Подобнаго случая, конечно, еще никогда не бывало. Фези штурмовалъ Шамиля и былъ отбитъ; Шамиль сдѣлалъ то же—и то же неудачно. Наконецъ противникамъ нечего было вѣсть: вступили въ переговоры, оба дали слово прекратить набѣги и, такимъ образомъ, разошлись полюбовно, выпустивъ одинъ другаго изъ общей западни. Горцы боялись генерала Фези, говоря, что гдѣ пролетаетъ птица, тамъ проходитъ и Фези съ войсками, и что для него не существуетъ непреступныхъ мѣстностей. Впоследствии его отозвали въ Россію; но онъ былъ счастливъ и его не слѣдовало бы брать изъ Дагестана, а если боялись, чтобы онъ когда нибудь не погубилъ порученныя ему войска, то надлежало придать ему руководителя. Исполнить приказаніе лучше его никто не могъ“....

Память о генералѣ Фези до сихъ поръ живетъ на Кавказѣ, и до сихъ поръ чеченцы поютъ про него слѣдующую пѣсню, переведенную, какъ намъ передавали, почти съ буквальною точностію:

Горе намъ! Фези къ намъ съ войскомъ стремится:

Гдѣ бы намъ, какъ бы намъ, братцы, укрыться.

Мы въ горы, мы въ дѣса—всюду онъ за нами,

Бѣгъ насъ и рубить, насъ колеетъ штыками....

Т. LXXVI. Отд. I.

По занятіи Хунзаха русскими войсками, Гаджи-Муратъ вскорѣ приобрѣлъ себѣ сильнаго покровителя въ лицѣ генерала Клюки-фонъ-Клугенау, командовавшаго войсками сѣвернаго Дагестана. Генераль Клюки, оцѣнивъ военныя способности Гаджи-Мурата, ласкалъ его и старался привлечь къ себѣ денежными наградами, обѣщая впослѣдствіи сдѣлать правителемъ Аваріи. «Это породило ко мнѣ—говоритъ Гаджи-Муратъ—зависть мехтулинскаго хана, который съ тѣхъ поръ изыскивалъ всѣ средства, чтобы очернить меня передъ русскими правительствомъ. Долго интриги его не имѣли успѣха, но разъ, когда Клугенау уѣхалъ куда-то на долгое время, онъ объявилъ коменданту, что я нахожусь въ сношеніяхъ съ Шамилемъ, и что нехудо бы было произвести съ этомъ формальное слѣдствіе. Комендантъ распорядился меня арестовать и заключилъ въ казематъ, гдѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, меня держали привязаннымъ къ орудію, а потомъ, подъ сильнымъ конвоемъ, какъ государственнаго преступника, отправили въ Шуру, хотя невинность моя была очевидна».

Съ дороги Гаджи-Муратъ бѣжалъ; но мы не будемъ распространяться объ этомъ эпизодѣ, уже извѣстномъ читателямъ изъ статей г. Околыничаго (*).

Старинная вражда съ Шамилемъ и невозможность примиренія съ русскими заставили Гаджи-Мурата на первыхъ порахъ искать убѣжища въ Цельмезѣ, гдѣ у него было много приверженцевъ. Здѣсь пріѣзжалъ къ нему посланный Шамиля съ увѣщеніемъ, что имамъ, забывъ прошедшее, приметъ его съ почетомъ, если тотъ изъявитъ желаніе служить казавату. Гаджи-Муратъ, не вѣря въ искренность такого предложенія, колебался, а между тѣмъ въ Цельмезѣ пріѣхалъ лазутчикъ съ письмомъ отъ Клюки-фонъ-Клугенау, который приглашалъ его опять перейти на сторону русскихъ. Раздосадованный обидою, Гаджи-Муратъ отправилъ письмо къ мехтулинскому хану, который въ бѣшенствѣ изорвалъ его на мелкіе клочки и, своими прожсками, успѣлъ побудить прямодушнаго Клюки отправить противъ Гаджи-Мурата войско.

Въ пѣнь беретъ, скоть гонить, палить селеня.
Отъ него плачь, стонъ—нѣту спасеня.
Прежде-жъ, какъ Феза къ намъ самъ не являлся,
Въ лѣсъ прійдти, насъ найдти—русскій боляся.
Въ лѣсъ пришла, насъ наша грозная сила:
Отъ нея можеть укрыть насъ одна лишь могяла.

Каждый куплетъ этой пѣсни сопровождается заунывнымъ чеченскимъ припѣвомъ: „Ай, дай-даладай!“ который такъ и остается въ русскомъ переводѣ.

(*) „Военный Сборникъ“, рядъ статей „Перечень послѣднихъ военныхъ событій въ Дагестанѣ“.

Пр. аст.

Стрядъ изъ баталіона пѣхоты и двухъ горныхъ орудій, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бакунина, на разсвѣтѣ окружилъ деревню. Дѣло продолжалось съ утра до поздняго вечера. Уже половина Цельмеза находилась въ рукахъ Бакунина, когда къ Гаджи-Мурату подоспѣли андійцы, присланные на помощь Шамилемъ. Ободренные цельмезцы сами перешли въ наступленіе и съ огромнымъ урономъ отразили русскихъ. Бакунинъ былъ убитъ, а остатки его отряда едва спаслись отъ окончательнаго истребленія (*).

Въ отмщеніе за эту неудачу, Ахметъ-ханъ, по прибытіи въ Хунзахъ, заковалъ въ желѣза трехъ двоюродныхъ братьевъ Гаджи-Мурата и черезъ нѣсколько дней приказалъ кахскимъ жителямъ умертвить ихъ. Тогда Гаджи-Муратъ, съ своей стороны, собралъ сильную партію и, въ продолженіе пяти дней, опустошалъ окрестности Хунзаха. Аварскія селенія Цолада, Ендегодкъ, Местерахъ, Мохахъ, Багтлохъ, Тахита и другія, сдѣлались жертвами его неумолимаго гнѣва. Самъ Ахметъ-ханъ, котораго приверженцы Гаджи-Мурата сторожили по всѣмъ дорогамъ, избѣгнувъ ищенія только потому, что нигде не выѣзжалъ безъ сильнаго конвоя.

Всѣ эти причины довели Гаджи-Мурата до окончательнаго отложенія отъ русскихъ. Напротивъ, въ благодарность за помощь, оказанную въ Цельмезѣ, онъ сблизился съ Шамилемъ и былъ назначенъ имъ наибомъ Аваріи. Въ этомъ почетномъ званіи является онъ при началѣ роковыхъ событій 1843 года.

«Когда возстаніе охватило весь Дагестанъ—говоритъ Гаджи-Муратъ—Шамиль оказывалъ мнѣ предпочтеніе передъ своими наибами и чаще другихъ предоставлялъ возможность подраться съ русскими». Когда Унцузулъ былъ взятъ и обстоятельства потребовали, со стороны Шамиля, энергической дѣятельности, чтобы воспользоваться плодами этого перваго успѣха, онъ поручилъ Гаджи-Мурату идти съ трехъ-тысячною партіею въ Аварію и возмутить ее противъ русскихъ. Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія. Подвигаясь къ Хунзаху, Гаджи-Муратъ занялъ съ бою село Ободу, потомъ Танусъ и грозилъ перервать единственное сообщеніе наше съ плоскостію черезъ Гоцатъ и Гергебиль. Попытка хунзахцевъ выручить эту дорогу и взять аманатовъ въ село Бетланчу, чтобы удержать его отъ измѣны, не имѣла успѣха. При первыхъ выстрѣлахъ, Гаджи-Муратъ прискакалъ въ деревню съ нѣсколькими мюридами, и ободренные жи-

(*) Остатки отряда вывелъ изъ боя генеральнаго штаба капитанъ Пассекъ, въслѣдствіи генералъ и извѣстный герой Кавказа. Это былъ первый шагъ его на военномъ поприщѣ.

тели отразили милицію; затѣмъ онъ быстро пошелъ на Ахальчи и, когда гарнизонъ положилъ оружіе, опять возвратился къ Шамилю, который между тѣмъ обложилъ Хунзахъ—последній опорный пунктъ нашъ въ центрѣ дагестанскаго населенія (*).

Напрасно Гаджи-Муратъ съ настойчивостію требовалъ приступа; Шамиль предпочиталъ блокаду, и только тогда, когда князь Аргутинскій, съ войсками южнаго Дагестана, былъ уже въ Гергебилѣ, отправилъ къ нему навстрѣчу трехъ-тысячную партію, подъ предводительствомъ Гаджи-Мурата. Противники сошлись на гоцатлинскихъ высотахъ; 13-го сентября началась кровопролитная битва, продолжавшаяся съ утра до поздняго вечера; Гаджи-Муратъ былъ разбитъ, и Шамиль, вынужденный очистить Аварію, бросился въ шахальство и на кумыкскую плоскость.

Пока военныя дѣйствія сосредоточивались въ той мѣстности, русскіе воспользовались случаемъ, чтобы, съ своей стороны, оставить Аварію и отступить на плоскость безъ упорнаго боя. Гаджи-Муратъ успѣлъ однако преградить имъ путь близъ Ирганая и затѣмъ обложилъ селеніе Зырянъ, запиравшее входъ въ балаканское ущеліе. Цѣлый мѣсяцъ блокировалъ онъ здѣсь отрядъ храбраго Пассека, довелъ его до крайности (**), но не могъ принудить къ сдачѣ и кончилъ тѣмъ, что самъ вынужденъ былъ удалиться въ горы, разбитый свѣжимъ отрядомъ, подошедшимъ на выручку Пассека. Въ

(*) Въ Ахальчи была часть 9-й роты Тифлискаго егерскаго полка, подъ командою прапорщика Залетова, который, какъ говорятъ, заблаговременно писалъ изъ Ахальчи, что если ему не пришлютъ подрывленій, то, при приближеніи непріятеля, онъ долженъ будетъ сдаться. Залетовъ, при появленіи иуридовъ, безъ выстрѣла положилъ оружіе.

Пр. аст.

(**) Вотъ что передаетъ солдатская пѣсня (приписываемая Пассеку) о тѣхъ лишеніяхъ, которымъ подвергался отрядъ во время блокады:

Мы рогатую скотину
 Всю въ конецъ перевезли;
 Стали ѣсть мы лошадину
 И варили еѣ и пекли.
 Вѣсто соли мы солкали
 Изъ патроновъ порошкомъ;
 Сѣно въ трубочкахъ курили —
 Распростелись съ табачкомъ.
 Обносились, оборвались,
 Съ плечъ свалилось все долой;
 Тутъ-то мы хлопотъ набрались,
 Что-бъ управиться съ зимой.
 Мы рогами постигали
 Вѣсто бурого и плащей;
 Ноги въ кожи зашивали
 Послѣ съданныхъ коней

Пр. аст.

горахъ Гаджи-Мурать не долго оставался безъ дѣла: онъ тотчасъ собралъ себѣ новую партію и, бросившись на лезгинскую линію, угналъ изъ Беженьянь до восьми тысячъ штукъ барановъ, лошадей и рогатаго скота.

«При отступленіи», говоритъ Гаджи-Мурать, «я имѣлъ перестрѣлку и потерялъ убитыми двухъ сотенныхъ командировъ».

Съ 1844 года Гаджи-Мурать управляетъ уже однимъ изъ четырехъ округовъ (*), на которые подраздѣлялись тогда владѣнія имама, и съ этихъ поръ принимаетъ дѣятельное участіе во всѣхъ главнѣйшихъ событіяхъ и предпріятіяхъ Шамиля. Такъ, въ началѣ 1845 года, когда огромное скопище Даниель-султана обложило Чохъ, онъ первый разсѣялъ акушипскую и цудахарскую милиціи, спѣшившія на выручку, и, вмѣстѣ съ другими партіями, участвовалъ при взятіи и разореніи этого богатаго, многолюднаго и преданнаго намъ аула. По счастью, успѣхи горцевъ были непродолжительны. Узнавъ о сборѣ самурскаго отряда около Тилитля, Гаджи-Мурать пошелъ къ нему навстрѣчу, но, «обманутый»—какъ признается самъ—«искуснымъ движеніемъ русскихъ», былъ атакованъ ими врасплохъ и понесъ жестокое пораженіе. Тѣмъ не менѣе съ необыкновенною энергіею онъ успѣлъ собрать вокругъ себя новую партію и поспѣлъ въ Дарго, чтобы принять участіе въ четырехдневномъ, кровавомъ бою, извѣстномъ у солдатъ подъ именемъ «сахарницы» (**).

На слѣдующій годъ, Гаджи-Мурать, вмѣстѣ съ Шамилемъ, участвовалъ въ нашествіи на Кабарду, откуда предполагалось идти за Кубань, чтобы, посредствомъ юридиказма, связать между собою народы восточнаго и западнаго Кавказа, подобно тому, какъ были соединены между собою всѣ племена Чечни и Дагестана, подъ управленіемъ и властію одного Шамиля. «Впрочемъ»—говоритъ Гаджи-Мурать—«этотъ походъ былъ однимъ изъ самыхъ неудачныхъ предпріятій имама. Нашъ обманули. Мы съ самаго начала потеряли увѣренность въ успѣхахъ; потому что кабардинцы, вопреки своимъ общеніямъ, встрѣчали насъ весьма недружелюбно, отказывали намъ въ самыхъ необходимыхъ предметахъ и заставляли терпѣть большую нужду въ

(*) Въ этотъ округъ входили: Аварія, Карата, Технуцаль и ближайшія къ нему лезгинскія общества; остальной Дагестанъ находился подъ управленіемъ Казимагомы; вся западная часть горной Чечни подчинялась Ахверды-Магомъ, а Салатавія, Мичикъ, Аухъ, Гумбетъ и Андія—Шубъ-мудъ, прославившемуся извѣстнымъ ичкерянскимъ походомъ.

(**) Въ этомъ бою убитъ храбрый генералъ Пассекъ. Это была третья встрѣча его съ Гаджи-Муратомъ: въ первый разъ онъ дрался съ нимъ въ Цельмесѣ, второй—въ Зыранахъ и третій—въ даргинской экспедиціи. *Пр. авт.*

продовольствіи. Вдобавокъ мы узнали, что обратная переправа на Сунжѣ занята сильнымъ отрядомъ, который готовился отрѣзать намъ путь отступленія. Шамиль растерялся и поручилъ мнѣ, если возможно, поправить дѣло. Я повернулъ назадъ, смѣло ударилъ на русскихъ и, овладѣвъ переправою, позволилъ Шамилю избѣгнуть страшнаго пораженія. Добычи изъ Кабарды мы никакой не вынесли и радовались уже тому, что убрались домой безъ большой потери.

Въ 1847 году Гаджи-Муратъ, вмѣстѣ съ Шамилемъ, защищаетъ Гергебиль противъ князя Аргутинскаго, потомъ переходитъ въ Салты и оттуда, съ обычнымъ мужествомъ, дѣлаетъ частыя вылазки, чтобы воспрепятствовать правильному ходу осады, отъ которой зависѣла судьба одного изъ первостепенныхъ ауловъ Дагестана. Въ одной изъ этихъ схватокъ, происходившей въ густыхъ салтинскихъ садахъ, убитъ извѣстный въ кавказской войнѣ подполковникъ Бибановъ, заслужившій за оборону Низоваго укрѣпленія разомъ два чина и орденъ св. Георгія (*). По словамъ Гаджи-Мурата, подполковникъ Бибановъ лично защищалъ орудіе и палъ, пораженный нѣсколькими пулями.

Когда на слѣдующій годъ князь Аргутинскій предпринялъ вторичную осаду Гергебиля, Гаджи-Муратъ былъ боленъ и позже другихъ набовъ присоединился къ сбору. Враги его воспользовались этимъ, чтобы увѣрить Шамиля въ намѣреніи Гаджи-Мурата передаться русскимъ. Шамиль встрѣтилъ Гаджи-Мурата холодно, и съ этихъ поръ, какъ полагаютъ многіе, начинается затаенное неудовольствіе ихъ другъ противъ друга. Желая однако на этотъ разъ снять съ себя всякое подозрѣніе, Гаджи-Муратъ просилъ поручить ему оборону гергебильскихъ садовъ въ то время, когда русскіе пойдутъ занимать ихъ. Шамиль согласился. «Бой», говоритъ Гаджи-Муратъ, «былъ чрезвычайно жаркій; мои мюриды выказали отчаянную храбрость, но, несмотря на все, я долженъ былъ отступить и бросить болѣе пятидесяти тѣлъ, которыя достались въ добычу русскимъ».

Въ томъ же году, при вторженіи Шамиля въ Самурскій округъ, Гаджи-Муратъ командовалъ отдѣльною партіею, спустившеюся со стороны ахтинскихъ минеральныхъ водъ въ Хозрамъ, гдѣ ожидалъ ее полковникъ Мищенко съ полутора-тысячною кубинскою милиціею. Встрѣча противниковъ произошла самымъ оригинальнымъ образомъ: одинъ изъ нашихъ разъѣздовъ, отправленный навстрѣчу непріятелю, наткнулся на нѣсколько десятковъ конныхъ лезгиновъ, которые,

(*) Въ 1843 году.

съ крикомъ «Гаджи-Мурать»! бросились въ шапки. Разъѣздъ понесся назадъ, крича: «Гаджи-Мурать! Гаджи-Мурать!» Крикъ этотъ подхватила милиція, стоявшая на бивуакѣ, и, вскочивъ на коней, разсѣялась въ смятеніи. Въ добычу лезгинамъ досталось множество лошадей и нѣсколько плѣнныхъ. Затѣмъ, соединившись съ партіями Бази-Магомы и Даниель-султана, Гаджи-Мурать поспѣшилъ навстрѣчу князю Аргутинскому и, вмѣстѣ съ нимъ, участвовалъ въ кровопролитномъ бою подъ Мискинджи. «Въ этомъ дѣлѣ» — говоритъ Гаджи-Мурать — «русскіе разбили насъ на-голову. Даниель-султанъ съ своею партіею первый подалъ сигналъ къ общему бѣгству; мы вынуждены были послѣдовать его примѣру, а между тѣмъ князь Аргутинскій освободилъ Ахты и усмирилъ взволнованныя наши деревни Самурскаго округа».

Въ 1849 году мы видимъ Гаджи-Мурата принимающимъ дѣятельное участіе въ защитѣ Чоха, а въ 1850 г. сражающимся уже въ Чечнѣ на шалинскихъ полянахъ.

Какъ ни велика была слава, пріобрѣтенная Гаджи-Муратомъ въ этихъ непрерывныхъ походахъ и битвахъ, но справедливость требуетъ сказать, что онъ, подобно многимъ горскимъ вождямъ, не обладалъ способностію руководить большими военными предпріятіями, и потому часто терпѣлъ пораженія. Его настоящимъ призваніемъ были набѣги, и въ нихъ никто не превосходилъ его отвагой, смѣлностію и предпримчивостію. «То былъ искусный партизанъ-налетъ», говоритъ Окольниковъ; «въ родѣ нѣкогда знаменитыхъ пановъ Сапѣги и Лисовскаго. Для него ничево не стоило, съ четырьмя, съ пятьюстами конныхъ, появиться въ тылу войскъ, далеко въ глубинѣ занятаго нами края, перейти сегодня семьдесятъ, завтра сто верстъ, отвлечь фальшивой тревогой войска совершенно въ другую сторону и, пользуясь всеобщей суматохой, ускользнуть безнаказанно» (*). Вотъ эти-то блестящія способности и создали Гаджи-Мурату ту популярность въ народѣ, ту громкую извѣстность въ горахъ, накой не достигалъ до него ни одинъ набѣгъ и которая по-временамъ пугала даже самого Шамиля.

Одинъ изъ первыхъ грозныхъ набѣговъ Гаджи-Мурата былъ въ Бежаньяны, о которомъ мы упоминали. Богатая добыча, доставшаяся горцамъ, прославивъ имя ихъ предводителя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дала ему возможность подумать наконецъ о томъ, чтобы свести старинные счеты съ домомъ мехтулинскаго хана. Самог^о хана въ живыхъ уже не было: онъ умеръ въ 1843 году, а потому кровавая «канда»

(*) „Военный Сборникъ“ „Перечень событій въ Дагестанѣ“.

должна была пасть на его семейство, жившее тогда въ Дженгутаѣ, въ столицѣ Мехтулинскаго ханства.

Въ бурную, ненастную ночь, вскорѣ по возвращеніи своемъ изъ Кабарды, Гаджи-Муратъ внезапно подошелъ къ Дженгутаю. Съ нимъ было только двѣсти человекъ мюридовъ. Большая часть изъ нихъ осталась въ засадѣ, а остальные, съ самимъ Гаджи-Муратомъ, тихо прокрались въ самый аулъ, благополучно миновали русскіе патрули, ходившіе по улицамъ, и, проникнувъ въ замокъ, похитили оттуда ханшу такъ тихо, что не произвели ни малѣйшей тревоги.... Можно себѣ представить испугъ и изумленіе жителей, когда, проснувшись поутру, они узнали, что ханша Йогъ-Бике, вдова покойнаго Ахметъ-хана, похищена самимъ Гаджи-Муратомъ, бывшимъ у нихъ въ Дженгутаѣ. Если прибавить къ этому, что замокъ, занимаемый ханскимъ семействомъ, стоялъ на крутой горѣ, посреди многолюднаго аула, и былъ обнесенъ высокой каменной стѣною, съ крѣпко запиравшимися воротами, что ворота оберегались сильнымъ карауломъ туземцевъ, а въ самомъ селеніи находился баталіонъ русской пѣхоты, то становится совершенно непонятнымъ, какъ могъ Гаджи-Муратъ исполнить это въ высшей степени отважное похищеніе. Къ сожалѣнію, въ запискѣ его объ этомъ нѣтъ никакихъ подробностей (*). Онъ говоритъ только, что похищенная ханша въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ жила въ его домѣ и наконецъ, по настояніямъ и ходатайствамъ Даніель-султана, была выкуплена родственниками ея за значительную сумму.

Не успѣли наговориться въ Дагестанѣ о необыкновенномъ событіи, какъ сдѣлалось уже извѣстнымъ, что Гаджи-Муратъ опять посѣтилъ шамхальскія владѣнія, похитилъ сестру Алуна-Хаза, родственника шамхала Тарковского, отбилъ въ Каванишахъ у сына его, Долгута, болѣе тысячи штукъ рогатаго скота, разорилъ Дурганы, аулъ принадлежавшій подполковнику Алп-султану, и пока войска, встревоженные этимъ извѣстіемъ, успѣшно двигались въ ту сторону, онъ изъ подъ самой Темиръ-ханъ-Шуры отогналъ табунъ лошадей, принадлежавшій русскимъ. До какой степени простиралась отважность Гаджи-Мурата можно судить по тому, что разъ, въ 1849 году, онъ, съ горстію отважныхъ удалцовъ, ворвался въ самую Шуру, гдѣ было сосредоточено нѣсколько тысячъ пѣхоты, и бросился

(*) Не смѣемъ ручаться за достоверность нашего разсказа относительно похищенія ханши Йогъ-Бике; мы передали его такъ, какъ онъ записанъ нами со словъ одного разсказчика. Было-бы весьма желательно, что-бы кто нибудь изъ старыхъ кавказцевъ, близко знакомыхъ съ этимъ происшествіемъ, подѣлился съ читающей публикой своими воспоминаніями.

грабить армянскія лавки. «Понятно»—говорить очевидецъ—«что эта безумная попытка не имѣла успѣха; но совершенно непонятно, какъ могъ Гаджи-Муратъ, при общей тревогѣ, ускользнуть изъ города».

Не довольствуясь тою славою, которую приобрѣли ему набѣги въ шамхальство и въ Мехтулу, Гаджи-Муратъ задумалъ произвести набѣгъ и на лезгинскую линію, чтобы схватить стариннаго врага своего, Хаджи-агу-Елиссуйскаго. Это случилось поздною осенью 1850 года, когда Кавказъ осчастливленъ былъ прїѣздомъ Наслѣдника-Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Войска лезгинской линіи готовились принять дорогаго гостя и вовсе не ожидали набѣговъ со стороны Дагестана, какъ вдругъ Гаджи-Муратъ нагрянулъ къ нимъ съ огромною партією. Схватить Хаджи-агу ему однако не удалось, потому что тотъ, извѣщенный вовремя, успѣлъ бѣжать. Аула Гаджи-Муратъ не тронулъ; но, не желая возвращаться домой безъ добычи, спустился съ горъ въ Нухинскій уѣздъ и двинулся открыто, по большой почтовой дорогѣ, къ Нухѣ, между Алманлами и Ахкабургской станціей. Первое, что попалось ему навстрѣчу въ нашихъ предѣлахъ, была почта, слѣдовавшая безъ всякаго прикрытія. Почталіонъ, начавшій отстрѣливаться, былъ убитъ, почта разграблена. Другая почта, слѣдовавшая за первую, спаслась оригинальнымъ образомъ: казаки, провожавшіе ее, замѣтили впереди татарскую конницу, тянувшуюся дорогой, и, полагая что это милиція, отправленная навстрѣчу Наслѣднику-Цесаревичу, проѣзжавшему въ то время по Закавказью, послали изъ любопытства одного чапары спросить: куда и зачѣмъ они ѣдутъ. Нѣсколько татаръ, остановившихся подъ лѣсомъ и занятыхъ навьючиваніемъ сѣна, наивно отвѣчали чапару: «это Гаджи-Муратъ, съ юридами, идетъ воевать противъ русскихъ!» Ошеломленные такою вѣстью, казаки поспѣшно повернули назадъ на Ахкабургскую станцію и скрылись въ ближайшемъ лѣсу.

Гаджи-Муратъ уже зналъ, что съ этой станціи почтовые лошади были сведены на шемахинскій трактъ для подставы для проѣзда Государю Наслѣднику, а потому прошелъ мимо нея прямо въ Бабаратмѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ почтовою станцією, былъ и казачій постъ, состоявшій изъ тридцати двухъ человекъ, при одномъ офицерѣ. Кромѣ казаковъ, смотрителя, да почталіона изъ Нухи, ѣздившаго накануне въ Ахкабуръ хоронить убитаго товарища, на Бабаратминской станціи не было никого: ящики и лошади были отправлены также по разнымъ трактамъ, гдѣ ожидали проѣзда Его Высочества.

Какъ казаки, такъ и смотритель, жили въ Бабаратмѣ совер-

шенно безопасно, не допуская мысли, чтобы сильная партія могла пробраться черезъ кордонную линію и такъ далеко углубиться въ наши предѣлы. И вдругъ, въ одно октябрское утро, громадная партія, человекъ въ семьсотъ, предводимая самимъ Гаджи-Муратомъ, внезапно окружила бабаратминскій постъ. Казаки предпочли геройскую смерть позорному плѣну и, защищаясь отчаянно, были перебиты всѣ до послѣдняго человека (*).

«Лужи запекшейся крови у воротъ, во дворѣ и въ самыхъ комнатахъ» — говорятъ одинъ путешественникъ, посѣтившій вскорѣ послѣ этого бабаратминскій постъ — «свидѣтельствовали, что бой происходилъ на жизнь и на смерть, и что лезгинамъ недешево досталась побѣда надъ горстью храбрыхъ казаковъ. Будь станціонный домъ крытъ черепицею, имѣй почтовая станція крѣпкія ворота, да двѣ или три угловые башни, быть можетъ казаки отбились бы. Примѣръ находился у нихъ передъ глазами. Въ недалекомъ разстояніи отъ той же станціи, гдѣ разыгралась эта красивая драма, была землянка, устроенная въ видѣ подвала, на небольшомъ косогорѣ, съ толстою земляною крышею, приходившеюся почти въ уровень съ горизонтомъ, и съ единственною дверью. Въ этой землянкѣ застряли шесть казаковъ, оставшіеся въ Бабаратмѣ случайно, при вещахъ своей сотни, которая пошла на шамахинскій трактъ встрѣчать Государя Наслѣдника. Когда лезгины напали на станцію, казаки начали стрѣлять изъ своей землянки. Напрасно Гаджи-Муратъ кричалъ, чтобъ они сдавались; казаки отвѣчали новыми выстрѣлами и били наповалъ каждаго, кто только осмѣливался приблизиться къ ихъ двери. Увидѣвъ, наконецъ, невозможность ворваться силою, лезгины принялись раскапывать крышу; но едва образовалось отверстіе, какъ казаки мигомъ обратили его въ бойницу и разогнали рабочихъ. Тогда, дорожа временемъ, Гаджи-Муратъ оставилъ ихъ въ покоѣ и, разоривъ бабаратминскій постъ, пошелъ на елисаветпольскую дорогу, гдѣ мимоходомъ напалъ на два армянскія селенія: одно изъ нихъ храбро отбилося отъ мюридовъ, другое сдалось и было разграблено.

На слѣдующій годъ, весной, Гаджи-Муратъ опять явился въ шамхальскія владѣнія и на покоеѣ близъ Дешлагора отбилъ табунъ, принадлежавшій Самурскому полку и горной № 4-й батарее. Опасаясь однако преслѣдованія, такъ какъ войска были въ сборѣ,

(*) Ожесточенные лезгины, истребивъ казаковъ, убили станціоннаго смотрителя, нухинскаго почтальона и инвалида-сторожа; жену послѣдняго они увезли съ собою, а ребенка бросили въ оговъ пылавшаго станціоннаго дома. *Пр. акт.*

онъ быстро прошелъ мимо Буйнаковъ, на сѣверъ, въ лѣса близъ села Озени. «Здѣсь», говоритъ Гаджи-Мурать, «частигли меня нижегородцы. Не имѣя возможности уйти отъ нихъ съ людьми и лошадьми, утомленными до крайности, я бросился на небольшую гору и поспѣшилъ загородить себя бревнами. Черезъ полчаса драгуны подошли и, слѣшившись, повели отчаянный приступъ. Начальникъ ихъ, Золотухинъ, съ шашкою въ рукѣ, первый вскочилъ на брустверъ, схватилъ значокъ и ранилъ меня шашкою. Я выстрѣлилъ въ него изъ пистолета въ упоръ и положилъ на мѣстѣ. Падая, онъ успѣлъ однако перебросить значокъ своимъ солдатамъ, которые схватили его и вынесли изъ боя. Со смертью Золотухина драгуны были отбиты и начали отступленіе (*). Начиная смеркаться. Воспользовавшись этимъ, я распустилъ свою партію, приказавъ спастись въ разсыпную, чтобы затруднить преслѣдованіе. Большая часть людей дѣйствительно пробралась благополучно, и мы отдѣлялись тѣмъ, что потеряли до ста-пятидесяти лошадей и нѣсколько плѣнныхъ».

Надо сказать, что въ то время, когда Гаджи-Мурать ходилъ въ набѣги да дрался съ русскими, Шамиль, давно обдумывавшій планъ утвердить въ горахъ наследственную власть, рѣшился наконецъ объявить всенародно своимъ преемникомъ старшаго сына Бази-Магому, управлявшаго Каратою. Тогда-то враги Гаджи-Мурата, Султанъ-Даніель-бекъ и бѣглый цудахарецъ Асланъ-кади, воспользовались случаемъ, чтобы возстановить противъ него Шамиля. Они принялись кричать, что, прежде чѣмъ объявить Бази-Магому своимъ наследникомъ, имаму слѣдовало бы узнать Гаджи-Мурата, какъ человѣка вреднаго, который самъ готовился властвовать и, слѣдовательно, могъ сдѣлаться главою всѣхъ заговоровъ и оппозицій противъ Шамиля (**). Чтобы поправить дѣло, они совѣтовали Шамилю послать

(*) Лейбъ-вскадронъ Нижегородскаго драгунскаго полка, слѣживавшійся въ числѣ 80 человѣкъ, потерялъ въ этомъ дѣлѣ, не считая раненыхъ, одними убитыми 23 человѣка нижнихъ чиновъ и двухъ офицеровъ. „Конечно, значительность этой потери“ писалъ князь Воронцовъ, сообщая объ этой стечкѣ въ приказѣ по Кавказскому корпусу, „должна быть приписана преимущественно слишкомъ отважной атакѣ драгуновъ. Не оправдывая того, что они слишкомъ увлеклись преслѣдованіемъ и не рассчитали, что 80-ти человѣкамъ недолжно атаковать партію въ 500 человѣкъ, занявшую притомъ сильную, укрѣпленную позицію, нельзя однакоже не сказать, что эта, хотя излишняя, пылкость доказала ихъ храбрость и молодецкій духъ, и что они достойно поддержали славу доблестнаго своего полка“.

(**) Говорятъ, дѣйствительно, когда Гаджи-Мурать узналъ объ этомъ, то будто-бы, обратившись къ своимъ приверженцамъ, сказалъ слѣдующее: „Присяга Бази-Магома наследственна и ничего не стоитъ. Послѣ смерти Шамиля, шашка, да громная слава, покоряющая людей своимъ обаяніемъ, одѣ рѣшать, къ кому

Гаджи-Мурата въ Табасарань съ пятьюстами всадниковъ и требовать, чтобы онъ возмущилъ ее противъ русскихъ, т. е. сдѣлалъ бы то, чего не могъ исполнить, въ томъ же году, Омаръ Салтисскій, съ огромною четырехтысячною партіею. Гаджи-Мурать охотно взялся за это дѣло, но просилъ себѣ, отъ двухъ до трехъ тысячъ войска. Ему отказали, и дали только пятьсотъ человекъ конныхъ. «Тогда», говоритъ Гаджи Мурать, «не наставшая болѣе, я съ этою горстію выступилъ въ походъ изъ Аралановъ и, мимоходомъ, завернулъ въ Буйнаки».

Буйнаки былъ большой, красивый аулъ, принадлежавшій Шхъ-вали, родному брату шамхала Тарковского. Постройка амфитеатромъ, по склону крутой, лѣсистой горы, дѣлала его неприступнымъ и долгое время спасала отъ гаджи-муратовскихъ набѣговъ. Наконецъ часъ аула пробилъ. Партія Гаджи-Мурата подошла къ нему на разсвѣтѣ и, выждавъ время, когда всѣ жители ушли на полевые работы, бросилась прямо къ жилищу Шахъ-вали, гдѣ нѣсколько вооруженныхъ пукеровъ не могли оказать ей никакого сопротивленія. Набѣгъ былъ такъ неожиданъ, что самъ Шахъ-вали захваченъ былъ врасплохъ, безъ оружія, съ однимъ кинжаломъ на поясѣ. Несмотря на то, онъ дрался какъ бѣшеный, и прежде чѣмъ былъ убитъ, положилъ на мѣстѣ двухъ или трехъ мюридовъ. Гаджи-Мурать разграбилъ его домъ и взялъ съ собою его жену, дѣтей и нѣсколько слугителей.

Одинъ буйнакскій татаринъ сложилъ на этотъ случай пѣсню, которая, слѣдующимъ образомъ, передаетъ трагическое происшествіе: «Какъ хищный волкъ, или шакалъ, Гаджи-Мурать скрывался въ нагорныхъ лѣсахъ около Буйнакъ, и разъ, замѣтивъ, что жители ушли на работы, онъ, какъ гіена, набѣжалъ на аулъ, убилъ хана, взялъ въ плѣнъ его жену, дѣтей и, какъ хищникъ, скрылся съ своею добычею въ лѣса и горы, облегающіе Буйнаки».

«Разслѣдованіе, произведенное по этому поводу», говоритъ командовавшій войсками въ Мехтулинскомъ ханствѣ генераль-маіоръ Плацъ-бекъ-Кокумъ (*), «показало съ одной стороны оплошность тѣхъ деревень, мимо которыхъ прошелъ Гаджи-Мурать, не будучи замѣченъ

должна перейти теперешняя власть имама: должна ли она, наконецъ, остаться въ однихъ рукахъ, какъ прежде, или раздѣляться между нѣсколькими достойными?»

Пр авт.

(*) Изъ предписанія генерала Плацъ-бекъ-Кокума начальнику особаго отряда, стоявшаго въ Оглахъ, подполковнику Эттингеру, отъ 4 іюля 1851 года за № 741.

Пр авт.

ни жителями, ни наравлами (*), съ другой ошибочность распоряженій мехтулинскаго пристава, который, получивъ еще наканунѣ извѣстіе о томъ, что непріятель появился противъ Ахкента, не побоялся разставить пикеты по всѣмъ дорогамъ, чтобы слѣдить за направлениемъ партій. Такимъ образомъ разгромъ богатаго аула совершился почти на глазахъ нашего войска, собраннаго и стоявшаго наготовѣ предупредить покушеніе непріятеля.»

Изъ Буйнаковъ Гаджи-Мурать пошелъ черезъ владѣнія Джамальбека (**), который, узнавъ объ участи Шахъ-вали, собралъ свою конницу и преслѣдовалъ Гаджи-Мурата до вольнаго Кайтаха. Въ Кайтахъ дѣла Гаджи-Мурата пошли чрезвычайно успѣшно. «Кайтахи и большая часть табасаранцевъ», говорятъ онъ, «не оказали мнѣ никакого сопротивленія; только нѣкоторые беки со своими приверженцами, укрѣпясь въ селеніи Ханчны, не хотѣли сдаваться, но они были выбиты и неотступно преслѣдованы мною почти до самаго Дербента. Когда я возвратился, возстаніе въ Табасарани было уже въ полномъ разгарѣ, и жители повсюду присоединялись ко мнѣ дѣльными толпами. Я занялъ Ханчны и сталъ ожидать извѣстій отъ Шамиля, который въ это время долженъ былъ напасть на гамашинскія высоты».

Шамиль, дѣйствительно, исполнилъ свое обѣщаніе. Какъ только князь Аргутинскій съ большею частію отряда, стоявшаго на Турчидагѣ, направился въ Табасарань, онъ бросился на гамашинскій лагерь, гдѣ были оставлены два баталіона пѣхоты; при четырехъ орудіяхъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Граматина, и атаковалъ его 15-тысячнымъ скопищемъ. Поддержанный во-время баталіономъ самурцевъ, Граматинъ блистательно отбилъ нападеніе и обратилъ Шамиля въ совершенное бѣгство.

Почти въ то же самое время въ горахъ получили извѣстіе, что князь Аргутинскій вступилъ въ Кайтахъ и на-голову разбилъ Гаджи-Мурата (***)).

(*) Это были селенія, лежащія между двумя значительными аулами, Дорголи и Малымъ Дженгутаемъ.

Пр. аст.

(**) Джамальбекъ управлялъ частію подвластнаго намъ Кайтаха.

(***) «Сію минуту»—писалъ генералъ Граматинъ подполковнику Эттингеру отъ 13-го іюля 1851 года—, получено мною извѣстіе о разбитіи Гаджи-Мурата въ Кайтахъ, а я вѣсь извѣщаю о разбитіи мною сегодня же всѣхъ скопищъ Шамиля въ Гамашахъ. Потеря непріятеля въ этомъ дѣлѣ страшная. Я очень и очень благодарю Бога за дарованную мнѣ въ этомъ дѣлѣ помощь. Теперь надо думать, что, возвращаясь изъ Кайтаха, Гаджи Мурать бросится на малообитаемыя мѣста Даргисскаго округа, между позиціею, занимаемою на кутланскихъ высотахъ полковникомъ Калеровъ, и Хаджалъ-Маками, или между тою же позиціею и Оглами,

Вотъ нѣкоторыя подробности этого дѣла, заимствованныя изъ записокъ самого Гаджи-Мурата. «13-го іюля», говоритъ онъ, «князь Аргутинскій атаковалъ меня въ Ханчнахъ значительными силами. Я держался въ продолженіе трехдневнаго сильнаго боя, но наконецъ былъ вынужденъ оставить селеніе и скрыться въ ближайшемъ лѣсу. Табасаранцы мои разбѣжались. Съ горстію оставшихся мюридовъ я бросился въ Чирахъ, но русскій отрядъ опять переградилъ дорогу и хотѣлъ заставить меня идти напроломъ. Однако мнѣ удалось избѣжать пораженія тѣмъ, что я обсакалъ неприятеля по дну глубокой и извилистой балки. Русскіе меня преслѣдовали; и скоро былъ раненъ и едва держался на измученной лошади; другіе были не въ лучшемъ положеніи. Вдобавокъ, во время смятенія, жена Шахъ-вали успѣла соскочить съ сѣдла и перебѣжала къ русскимъ. Дѣти ея остались въ плѣну и, впоследствии, попали въ руки Шамиля, который получилъ за нихъ огромный выкупъ отъ шамхала Тарковского. Отступая далѣе, я встрѣтилъ близъ Автуровъ Аббу-Муселина-Рутулыскаго, который преслѣдовалъ меня до самаго Охрека. За Чатлухами меня нагнали опять мисканджанцы; отъ этихъ я отдѣлался благополучно и даже, въ виду ихъ бросившись на плоскость въ Терекиме, разграбилъ нѣсколько ближайшихъ ауловъ».

Неудача, испытанная Гаджи-Муратомъ въ Табасарани, дала Шамилю возможность сложить на него вину и въ собственномъ своемъ пораженіи на гамашинскихъ высотахъ. Онъ прямо объявлялъ, что причиною тому былъ одинъ Гаджи-Муратъ, который, вопреки приказанію идти въ Табасарань, зашелъ въ Буйнаки и черезъ то не успѣлъ возмутить ее до прихода русскихъ. Набѣгъ въ Буйнаки Шамиль порицалъ безусловно и упрекалъ Гаджи-Мурата въ убійствѣ Шахъ-вали, опасаясь за это мщенія со стороны шамхала Тарковского, лица вліятельнаго и сильнаго въ краѣ. Вдобавокъ онъ высказался рѣзко, что ежели отборные мюриды были разбиты въ Ханчнахъ Аргутинскимъ, то это можно приписать только трусости того, кто ими командовалъ.

— «Что я не трусъ», сказалъ Гаджи-Муратъ, «это знаютъ на Кавказѣ даже малыя дѣти. И горцы, и русскіе давно привыкли уважать мою храбрость. Что я потерпѣлъ пораженіе, это мнѣ извинительно. Какъ ни были храбры мои мюриды, но ихъ было только семьсотъ гдѣ стоите вы. Поэтому будьте осторожны и примите мѣры къ предупрежденію неприятеля».

Опасенія Граматина не сбылись: Гаджи-Муратъ пошелъ назадъ черезъ Алушу и, по выраженію того же Граматина въ другомъ письмѣ къ Эттмагеру, «многокомъ подпалалъ тамъ нѣкоторыя деревни.»

Ир. сем.

человѣкъ, а русскіе солдаты—черти, не хуже мюридовъ! А ты-то какъ воевалъ? У тебя было пятнадцать тысячъ и пушки, а Граматичъ съ тремя баталіонами разбилъ тебя на-голову. Ты бѣжалъ, какъ заяцъ, и значить трусь не я, а ты....»

Буря готова была разразиться, однако благоразуміе удержало Шамиля: затаивъ обиду, онъ послѣшилъ наружно примириться съ своимъ строптивымъ наибомъ. Гаджи-Мурать получилъ приказаніе распустить свою партію; но едва онъ это исполнялъ, какъ въ домъ къ нему явился мюридъ и, отъ имени Шамиля, потребовалъ двѣ тысячи пятьсотъ рублей, дорогую шубу и стамбульское ружье, добытыя Гаджи-Муратомъ во время набѣга. Гаджи-Мурать исполнилъ всѣ эти требованія и, сверхъ того, послалъ Шамилю еще четырехъ лошадей и пѣвннхъ дѣтей Шахъ-вали.

«Народъ, узнавъ объ этомъ», говоритъ Гаджи-Мурать, «началъ роптать и многіе старались меня увѣрить, что я поступилъ опрометчиво, отправляя подарки, потому что вражда Шамиля ко мнѣ не прекратится, а моя уступчивость дастъ ему право требовать большаго. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней ко мнѣ явились опять трое мюридовъ и сказали, что за неудачный набѣгъ въ Табасаранъ Шамиль лишаетъ меня наибоства, подобно тому, какъ сдѣлалъ онъ это съ Омаромъ Салтинскимъ и требуетъ выдачи всего моего состоянія.

«Я выслушалъ мюридовъ и отвѣчалъ имъ сурово:

— Ступайте назадъ и передайте Шамилю, что все, что я имѣю, я приобрѣлъ моею саблею; такъ пусть Шамиль придетъ ко мнѣ и возьметъ все тою же саблею: безъ бою я ему ничего не отдамъ».

Говоря такимъ образомъ, Гаджи-Мурать рассчитывалъ на преданность къ себѣ аварскаго народа, и въ этомъ не ошибался; однако опасность была такъ велика, что надо было подумать о средствахъ къ оборонѣ, на случай, еслибы Шамиль захотѣлъ употребить открытую силу. Такія мѣры, дѣйствительно, оказались нелишними: Шамиль, получивъ отказъ, тотчасъ объявилъ Гаджи-Мурата дерзкимъ возмутителемъ и выступилъ противъ него съ сильною партіею. Гаджи-Мурать, извѣщенный жителями, укрѣпился въ селеніи Басландуузъ, выставилъ пушки и, въ продолженіе дѣлаго мѣсяца, выдерживалъ блокаду. Наконецъ это ему надоѣло; онъ сдѣлалъ отчаянную вылазку, напалъ на Шамиля съ своими приверженцами и обратилъ его въ бѣгство. Междоусобная война готова была разразиться въ горахъ съ страшною силою, когда духовенство и старшины

народа вмѣшались въ распрю двухъ предводителей и приняли на себя посредничество къ ихъ примиренію.

Шамиль, желая показать, что ставить спокойствіе народа выше личныхъ своихъ интересовъ, тотчасъ согласился прекратить всё неудовольствія; но Гаджи-Муратъ, озлобленный несправедливостью, потребовалъ прежде всего, чтобы, назначенный на мѣсто его наибошъ Аварин, Али Табасаранскій былъ удаленъ отъ должности, а званіе намба возложено на одного изъ двоюродныхъ братьевъ Гаджи-Мурата. Шамиль согласился и на это условіе. Тогда, казалось, не было уже болѣе поводовъ къ дальнѣйшимъ недоразумѣніямъ, какъ вдругъ къ Гаджи-Мурату является лазутчикъ отъ князя Аргутинскаго съ предложеніемъ его содѣйствія и помощи противъ общаго врага ихъ Шамиля.

— Что можеть сдѣлать для меня князь Аргутинскій? спросилъ Гаджи-Муратъ, обрадованный этимъ извѣстіемъ и продолжавшій въ душѣ не довѣрять Шамилю.

— Князь поручилъ мнѣ передать, что онъ готовъ бы былъ подать тебѣ помощь, сказалъ лазутчикъ: — но такъ какъ ты живешь внутри Дагестана, то онъ не можеть придти съ войсками, и просить, чтобы ты далъ сраженіе Шамилю на русской границѣ. Если этого сдѣлать нельзя, выбѣги со всѣмъ семействомъ въ русскіе предѣлы.

Гаджи-Муратъ задумался.

— Я очень, очень признателенъ князю за его участіе, сказалъ онъ наконецъ: — но передай ему, что выбѣжать изъ Дагестана мнѣ нѣтъ никакой возможности, по причинѣ частаго населенія и постоялыхъ карауловъ. Меня стерегутъ повсюду. Если же русскіе, забывъ прошедшую вражду, готовы мнѣ дать пріютъ и оказать гостепріимство, я попытаюсь выйдти черезъ Чечню и полагаю, что въ будущемъ не буду для нихъ человѣкомъ лишнимъ и бесполезнымъ.

Дѣйствительно, съ этой минуты Гаджи-Муратъ начинаетъ усердно хлопотать о позволеніи переселиться въ Чечню, выставяя причиною, что жена его была чеченка, изъ аула Гехи. Получивъ однако отказъ, сострогимъ подтвержденіемъ жить въ Басландузѣ, Гаджи-Муратъ принялся изыскивать мѣры для тайнаго побѣга и, съ этою цѣлью, предварительно отправилъ въ Гехи часть своего богатства, около трехъ тысячъ рублей, и разныя волотныя вещи съ двумя нукерами. Къ несчастію, одинъ изъ нукеровъ бѣжалъ съ дороги и извѣстивъ обо всемъ Шамиля. Тогда юриды, посланные въ погоню, схватили другаго нукера и отняли у него и деньги, и золото. Ли-

шившись почти всего состоянія и не довѣря болѣе жителямъ, между которыми явилось множество шпионовъ, Гаджи-Мурать погналъ Басландузъ и перешахъ въ селеніе Ободы; но старшины аула, опасаясь кровопролитія, прѣсили его избрать себѣ другое убѣжище. Онъ перешахъ въ Цельмезъ.

Отсюда Гаджи-Мурать вошелъ въ переговоры съ двумя наббами, которые, такъ же какъ онъ, терпѣли преслѣдованіе Шамиля. Это были Шаво, управлявшій Анцухомъ, и Муртазали Телитлинскій, братъ знаменитаго Кибита-Магомы, люди отважные, съ твердымъ и рѣшительнымъ характеромъ. Оба они готовились къ открытому возстанію, потому что знали намѣреніе Шамиля отнять у нихъ набства, и подъ рукою искали себѣ союзниковъ между недовольными горцами. Такъ какъ жители Анцуха и Телитли были на ихъ сторонѣ, упорно отказываясь принять къ себѣ другихъ наббовъ, то положеніе самого Шамиля сдѣлалось до того затруднительнымъ, что онъ рѣшился наконецъ прибѣгнуть къ хитрости, столько разъ выручавшей его въ критическія минуты. Собралъ на совѣщаніе къ себѣ старшинъ и духовенство, онъ предложилъ имъ созвать шаріатъ и, на духовномъ судѣ, торжественно и разъ навсегда примирить враждующія партіи. Гаджи-Мурать, Шаво, Муртазали и самъ Шамиль должны были явиться въ это собраніе, которое назначалось не въ ризиденціи имама, а въ небольшомъ чеченскомъ аулѣ Автуры, лежащемъ не подалеку отъ знаменитой Шалинской поляны.

Гаджи-Мурать, всегда осторожный, на этотъ разъ поддакъ предложенію и, сѣвъ на коня, верхомъ поѣхалъ въ Автуры, сопровождаемый только четырьмя своими мюридами. Онъ былъ уже недалеко отъ аула, какъ встрѣтилъ въ лѣсу человека, который, какъ благодѣтелю, объявилъ ему за большую тайну и завѣрилъ клятвою, что въ Автурахъ ожидаетъ его не добрый миръ, а смертная казнь, и что Шамиль, собравъ шаріатъ, уже произнесъ приговоръ казнить мятежника, какъ нарушителя общественнаго спокойствія и опаснаго врага народа.

Тогда Гаджи-Мурать повернулъ назадъ и, взявъ проводника въ аулѣ Шаали, доѣхалъ съ нимъ до Чахъ-Кирея, гдѣ получилъ извѣстіе, что за нимъ разослана погоня по всемъ направленіямъ. Это заставило его поторопиться въ Гехи, чтобы сдѣлать попытку вывезти свое семейство изъ Цельмеза; но приказанія Шамиля успѣли, какъ видно, опередить его. При самомъ вѣздѣ въ аулъ, два мюрида, скрывавшіеся въ улицѣ, съ крикомъ бросились ловить его. Гаджи-Мурать проворно вынулъ винтовку и этого движенія было довольно,

чтобы мюриды, какъ бы одумавшись и устыдившись своего поступка, тотчасъ объявили, чтобы онъ спасался скорѣе, потому что цѣлая толпа ожидаетъ его въ засадѣ за деревнею. «Дѣлать было нечего», говоритъ Гаджи-Муратъ, «и я свернулъ на Рошнинскую поляну, гдѣ неожиданно наткнулся опять на русскую команду. Солдаты, подумавъ, вѣроятно, что мы намѣрены ихъ атаковать, открыли огонь, ранили моего проводника и убили лошадь подъ однимъ изъ нукеровъ. Избѣгая боя, я повернулъ назадъ къ Чахъ-Кирею, снова наткнулся на партію мюридовъ и только къ вечеру, сдѣлавъ уже значительный объѣздъ, добрался наконецъ до крѣпости Воздвиженской»....

Остановившись въ лѣсу, Гаджи-Муратъ отправилъ трехъ челевѣкъ къ коменданту сказать, что ихъ прислалъ Гаджи-Муратъ, который проситъ у русскихъ защиты и покровительства. Командовавшій тогда Куринскимъ егерскимъ полкомъ, флигель-адъютантъ полковникъ князь Воронцовъ (*), тотчасъ вышелъ къ нему навстрѣчу самъ съ цѣлымъ баталіономъ пѣхоты и препроводилъ его въ крѣпость. По доведеніи объ этомъ до свѣдѣнія главнокомандующаго, князь Воронцовъ немедленно послалъ въ Воздвиженское своего адъютанта, съ повелѣніемъ привести Гаджи-Мурата въ Тифлисъ, не такъ какъ плѣнника, а какъ человѣка знаменитаго, со всею подобающею честью. Въ то же время князь Воронцовъ писалъ военному министру, прося его исходатайствовать у Государя позволенія оставить Гаджи-Мурата на Кавказѣ, гдѣ изъ пребыванія его надѣялся извлечь большія выгоды при будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Прочитавъ это письмо, покойный Государь Императоръ изволилъ собственноручно написать на немъ: «*Слава Богу—важное начало!*»; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, приказалъ передать князю Воронцову, что Гаджи-Муратъ, какъ человѣкъ, разъ уже измѣнившій русскимъ, не внушаетъ его величеству особаго довѣрія и что Государь соизволяетъ оставить его на Кавказѣ только на страхъ и отвѣтственность самого главнокомандующаго.

Прежде чѣмъ рассказать читателямъ дальнѣйшую судьбу Гаджи-Мурата, остановимся на тѣхъ немногихъ свѣдѣніяхъ, которыя онъ сообщаетъ въ своей запискѣ о положеніи края и о средствахъ, находившихся въ распоряженіи Шамиля для борьбы съ русскими.

Средства эти, по показанію Гаджи-Мурата, состояли изъ тридцатитысячнаго войска, всегда вооруженнаго, всегда готоваго къ по-

(*) Сынъ князя Михаила Семеновича, наместника и главнокомандующаго на Кавказѣ.

ходу и подчиненнаго тридцати различнымъ наибамъ. Силы у каждаго намба, впрочемъ, были неравныя: одни командовали сотнями, другіе распоряжались тысячами, что обусловливалось не только способностями намба, но и положеніемъ страны, болѣе или менѣе удаленной отъ русскихъ. Намбы предводительствовали въ бояхъ своими партіями и распоряжались всею административною частію страны, дѣйствуя на народъ посредствомъ старшинъ и кадіевъ, или пятисотенныхъ и сотенныхъ начальниковъ, обязанность которыхъ была слѣдить за тѣмъ, чтобы всѣ горцы имѣли исправное оружіе и достаточное количество пороху. Судебную частію наибства завѣдывалъ мулла, назначаемый до выбору народа или по избранію самого Шамиля, но приговоры его утверждались наибомъ, который подвергалъ виновныхъ денежному штрафу или содержанію въ ямѣ. Далѣе этого ихъ власть не распространялась. Смертная казнь предоставлялась законами одной верховной власти имама; но это, по словамъ Гаджи-Мурата, нисколько не мѣшало наибамъ распоряжаться, на самомъ дѣлѣ, и достояніемъ, и жизнію своихъ подчиненныхъ.

Между наибами, пользовавшимися въ горахъ особенною извѣстностію по своему уму, по храбрости и по вліянію, приобрѣтенному ими на народъ, были: Талчикъ, Геха, Гайдемиръ, Абкарь-Дебиръ Мухскій, Андійскій Лабаза, Гумбетовскій Кади, Магометъ-Аминъ Хиндалальскій, бѣглый акушинецъ Абкарь-Хаджи, глухой Нико-Гаджи изъ Чоха, Камръ-бекъ Буртунайскій и братъ извѣстнаго Кибита-Магомы, Муртузали Телитлинскій.

Въ числѣ же людей сильныхъ, но не наибовъ, Гаджи-Муратъ называетъ: Кибита-Магому, человѣка ученаго, уважаемаго народомъ, но удалившагося отъ дѣлъ и спокойно доживавшаго вѣкъ въ Телитляхъ у своего брата, намба Аслана-Бади, человѣка безнравственнаго, большаго лихоимца, которому Шамиль оказывалъ однако большія почести, несмотря на общій родотъ народа; Каьваць-Дебира, жившаго въ Баратѣ, Омара Салтинскаго, смѣннаго съ наибства за поражение, нанесенное ему Агаларъ-бекомъ, во время вторженія въ Табасаранъ, и Шахмандира-Хаджи, вымѣннаго изъ плѣна за князя Илію Орбелиани (*). Последніе трое пользовались большимъ значеніемъ въ народѣ, но принадлежали къ числу опасныхъ и сильныхъ противниковъ Шамиля. Что же касается до Даніель-Султана, то, говоря о немъ, Гаджи-Муратъ не скрываетъ своего презрѣнія: по его

(*) Убитъ въ чинѣ генераль-маіора и въ званіи командира Грузинскаго гренадерскаго полка, 19 ноября 1853 года, въ сраженіи подъ Башъ-Кадыхъ-Даромъ.

понятіямъ, это былъ человекъ двуличный, плохой, нерѣшительный воинъ и дурной магометанинъ, исполнявшій обряды юридикзма только для вида, и то лишь въ присутствіи самого Шамиля.

Артилерія горцевъ, по словамъ Гаджи-Мурата, была немногочисленна: Шамиль имѣлъ до 30 орудій русскаго литья, большая часть которыхъ хранилась въ самой его резиденціи; тѣ же орудія, которыя стояли по укрѣпленіямъ или давались въ распоряженіи набовъ, были литья турецкаго, или отлитыя самими горцами, подъ наблюденіемъ особаго мастера-лезгина, жившаго въ Кухдѣ. Артилерійскою прислугою служили, большею частію, бѣглые русскіе солдаты, поселенные при аулѣ Ведень особою слободкою. Солдаты занимались выдѣлываніемъ артилерійскихъ лафетовъ, зарядныхъ ящиковъ и, сверхъ того, по наряду ходили въ экспедиціи съ орудіями. Стрѣльба производилась обыкновенно снарядами, которые собирались послѣ каждаго дѣла съ русскими, хотя у горцевъ былъ большой запасъ ихъ (около 30 тысячъ), взятый въ Цатанихъ, въ кампанію 1843 года, и хранившійся въ Хидатли, въ особо-высѣченной для этого скалѣ.

Порохъ выдѣлывался отчасти самими горцами, но главное производство его принадлежало турецкому подданному Джафару, давно уже переселившемуся въ горы. Ремесло его было довольно выгодное, потому что каждый горецъ обязанъ былъ приобрѣтать себѣ порохъ на собственныя средства, а неимѣніе пороха подвергало виновныхъ тяжкому наказанію. Въ прежнее время, приобрѣтать подобныя вещи для горцевъ было гораздо удобнѣе, потому что вся военная контрабанда свободно доставлялась къ нимъ изъ русскихъ предѣловъ; но въ сороковыхъ годахъ торговля эта была прекращена, и только желѣзо, по прежнему, въ изобиліи доставлялось съ кумыкской плоскости.

Относительно матеріальныхъ средствъ Шамиля, Гаджи-Муратъ замѣчаетъ слѣдующее: доходъ Шамиля состоялъ изъ пятой части добычи и, сверхъ того, изъ отдѣльныхъ подарковъ, подносимыхъ ему набаями или просителями. «Не могу сказать опредѣлительно» — говорить онъ — «какъ велико богатство Шамиля но знаю навѣрное, что деньги его хранятся въ двухъ аулахъ, въ Ведени и въ Каратѣ, и что въ первомъ изъ нихъ собрано не менѣе полутора ста тысячъ серебра и золотомъ». Оружія же и разныхъ драгоценностей у него большое количество. Что касается до остальныхъ набовъ, то, по словамъ Гаджи-Мурата, офиціальный доходъ ихъ состоялъ только въ помощи ругъ въѣреннаго имъ края и въ добычѣ, изъ которой, сверхъ

общаго раздѣла поровну, предоставлялся имъ первый выборъ лучшаго.

Возвратимся къ нашему разсказу:

8-го декабря 1851 года Гаджи-Мурать прїѣхалъ въ Тифлисъ, вмѣстѣ съ адъютантомъ главнокомандующаго, и на другой день представился намѣстнику, который принялъ его въ своемъ кабинетѣ, осыпалъ ласками и долго бесѣдовалъ съ нимъ о судьбѣ его семейства, оставшагося въ Цельмезѣ. Гаджи-Мурать казался чрезвычайно встревоженнымъ и говорилъ, повидимому, искренно, что до тѣхъ поръ, пока его жена и дѣти будутъ находиться въ рукахъ Шамиля, ему нельзя принести намъ пользы и доказать свою благодарность. Незвѣстность, что сдѣлаетъ Шамиль съ его семействомъ, повергла его даже въ нервную лихорадку. Онъ началъ тосковать, отказывался отъ пищи, лишился сна, по цѣлымъ ночамъ молился Богу и искалъ уединенія. Это заставило серьезно опасаться за его здоровье. Однако, мало по малу, тронутый къ себѣ всеобщимъ вниманіемъ, онъ сталъ выѣзжать изъ дома верхомъ, что было необходимо послѣ долгой привычки быть постоянно на конѣ. Во время прогулокъ, въ сообществѣ юридовъ, его сопровождалъ почетный конвой изъ нѣсколькихъ линейныхъ казаковъ, который былъ однако не что иное, какъ стража, неспускавшая съ Гаджи-Мурата глазъ и зорко слѣдившая за каждымъ его движеніемъ. Въ публикѣ ходила молва, что этотъ прославленный наибъ явился къ намъ съ единственною цѣлью изучить пограничную мѣстность и высмотрѣть средства, которыми располагали русскіе. Тѣмъ не менѣе ему оказывали всюду большое вниманіе. Онъ появлялся даже на балахъ намѣстника и скоро выучился играть въ шахматы, сильно заинтересовавшіе дагестанскаго наѣздника.

Средняго роста, съ густой, подстриженной и выкрашенной, по восточному обычаю, бородою, съ пронизательнымъ взглядомъ изъ-подлобья, въ полномъ азіатскомъ нарядѣ, при оружіи, Гаджи-Мурать производилъ невольное впечатлѣніе на всѣхъ (*). Ходилъ онъ медленно и какъ-бы перекачиваясь, потому что обѣ ноги его были переломлены (**). Его сопутники-юриды смотрѣли дико, совершен-

(* Единственный портретъ Гаджи-Мурата былъ помѣщенъ въ „Русскомъ Художественномъ Листѣ“, издававшемся Тиммомъ.

(**) Это случилось въ 1841 году, когда Гаджи-Мурать бѣжалъ изъ-подъ наряда, сопровождавшаго его къ Темиръ-Ханъ-Шуру: онъ бросился въ пропасть, переломилъ себѣ ноги, но ползкомъ добрался до ближняго аула и нашелъ тамъ вѣрнее убѣжище.

Пр. авт.

ными звѣрями, и появленіе ихъ въ залахъ князя Воронцова производило всегда невообразимый эффектъ.

Но время шло, а о семействѣ Гаджи-Мурата не было никакихъ извѣстій. Тревога его опять возобновилась. Однажды, разговаривая съ княземъ Воронцовымъ, онъ вдругъ воскликнулъ съ необыкновеннымъ жаромъ:

— Спасите мою семью... и тогда пошлите меня въ Дагестанъ, въ Чечню, на лезгинскую линію, пошлите куда угодно, но дайте мнѣ наконецъ возможность служить вамъ. Клянусь Аллахомъ, что мое появленіе въ разныхъ мѣстахъ за вашими границами подниметь весь Дагестанъ и приведетъ къ паденію Шамиля прежде, чѣмъ у васъ этого ожидаютъ и думаютъ.

Князь Воронцовъ отвѣчалъ, что выкупить его семейство есть искреннее желаніе его самого, потому что русскіе не могутъ имѣть къ Гаджи-Мурату довѣрія до тѣхъ поръ, пока семейство его будетъ оставаться въ горахъ; что онъ, съ своей стороны, давно уже приказалъ собрать всѣхъ плѣнныхъ, оставшихся еще на нашихъ линіяхъ, и предложить обмѣнъ Шамилю; и если, по обстоятельствамъ, не прибавляетъ къ этому денегъ, то постарается, взаимъ того, найти какой-нибудь способъ помочь ему иначе.

— Но будемъ говорить откровенно, сказалъ въ заключеніе князь Воронцовъ: я начинаю приходить къ убѣжденію, что Шамиль ни за какія деньги не согласится на выкупъ и, что, напротивъ, скорѣе онъ будетъ предлагать тебѣ прощеніе, а если ты не возвратишься—онъ перейдетъ къ угрозамъ убить твою мать, жену и дѣтей...

Гаджи-Муратъ не далъ докончить и, поднявъ руки къ небу, произнесъ торжественно:

— Я призываю въ свидѣтели всемогущаго Бога, что никогда живой не отдамся въ руки моего противника. Шамиль не прощаетъ наносимыхъ обидъ и мнѣ придется умереть въ горахъ подъ пулею, или подъ кинжаломъ наемнаго убійцы. А что касается семейства, Шамиль никогда не осмѣлится привести въ исполненіе своей угрозы: онъ будетъ бояться страшнаго мщенія, и къ тому же его не допустятъ до этого многія вліятельныя и сильныя лица Дагестана.

Чтобы подвинуть дѣло, Гаджи-Муратъ убѣдительно просилъ князя Воронцова позволить ему самому отправиться на лѣвый флангъ, гдѣ, при посредствѣ нѣкоторыхъ преданныхъ себѣ чеченцевъ, онъ думалъ установить постоянныя сношенія съ своимъ семействомъ и, въ случаѣ крайности, сдѣлать даже попытку вырвать его изъ Цельмеза, какъ вырвалъ онъ нѣкогда мехтулинскую ханшу изъ Джен-

гудей. «Отвага Гаджи—Мурата, дѣйствительно, не знаетъ границы, и я не сомнѣваюсь» — писалъ по этому поводу князь Воронцовъ въ Петербургъ — «что онъ способенъ на самую отчаянную и дерзкую выходку»....

— «Вы понимаете, любезный князь» — писалъ онъ въ другомъ письмѣ къ военному министру (*) — «что все это ставить меня въ весьма затруднительное положеніе. Я сознаю, что принимаю на себя большую отвѣтственность. Расчитывать вполнѣ на преданность Гаджи—Мурата было бы, съ нашей стороны, большою неосторожностію, а между тѣмъ, чтобы отнять у него всѣ средства къ побѣгу, нѣтъ иного способа, какъ только держать его подъ постояннымъ и строгимъ арестомъ, что было бы несправедливо и неполитично. Извѣстіе объ этомъ тотчасъ распространится по всѣмъ мѣстамъ Дагестана и сильно обезкуражитъ тѣхъ, которые хотятъ перейти къ намъ, и которыхъ сильно интересуется, какой преіимъ мы сдѣлаемъ храбрѣйшему и знаменитѣйшему изъ всѣхъ набовъ Шамиля».

Такія соображенія понудили князя Воронцова дать Гаджи—Мурату позволеніе отправиться въ Грозную, съ условіемъ не предпринимать ничего безъ разрѣшенія генерала Козловскаго (**), къ которому главнокомандующій писалъ въ то же время слѣдующее: «Намъ было бы весьма полезно, если бы Гаджи—Муратъ, при бдительномъ за нимъ надзорѣ, ежедневно показывался жителямъ во время своихъ прогулокъ верхомъ, что окончательно могло бы разсѣять вредные слухи, которые распускаетъ Шамилъ о томъ, что будто бы мы держимъ Гаджи—Мурата въ тюрьмѣ, и что подобная участь ожидаетъ всѣхъ, кто переходитъ къ русскимъ»....

Первою заботою Гаджи—Мурата, по прибытіи въ Грозную, было собрать какія—нибудь свѣдѣнія о мѣстопробываніи его семейства. Къ несчастію, одинъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей, на помощь котораго онъ болѣе всего расчитывалъ, оказался убитымъ 10—го декабря (въ томъ самомъ дѣлѣ, гдѣ палъ нашъ знаменитый Слѣпцовъ), поэтому въ первое время не было возможности начать переговоры. Впослѣдствіи же хотя и нашлись отважные люди, готовые пожертвовать Гаджи—Мурату своею головою, но такъ какъ Шамилъ успѣлъ уже принять свои мѣры, то всѣ ихъ старанія не повели ни къ чему, и вся зима прошла въ безуспѣшныхъ перегово-

(*) Князю А. И. Чернышеву.

(**) Генералъ Козловскій былъ командующій войсками лѣваго фланга казавской линіи.

рахъ. Съ наступленіемъ весны, Гаджи-Мурату пришлось возвратиться въ Тифлисъ, потому что князь Вярятинскій, смѣнившій генерала Козловскаго, писалъ намѣстнику, что пребываніе Гаджи-Мурата на лѣвомъ флангѣ начинаетъ служить, хотя невольною, причиною раздора между нѣкоторыми покорными намъ племенами. Въ Ташъ-Бичу, напримѣръ, князья перестали ходить въ мечеть, когда Гаджи-Муратъ молился въ ней, говоря, что, будучи магометанами, они не намѣрены поддерживать ширидизма въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ его Шамиль. Народъ же, напротивъ, приглашалъ Гаджи-Мурата постоянно молиться вмѣстѣ съ собою и этимъ раздражалъ князей, жаловавшихся, что имъ нельзя исполнять свои религіозные обряды.

Князь Воронцовъ поторопился отозвать Гаджи-Мурата и, при свиданіи съ нимъ въ Тифлисъ, рѣзко отозвался о его религіозныхъ увлеченіяхъ. Этотъ суровый выговоръ, а можетъ быть и нѣсколько холодный пріемъ, сдѣланный ему въ тифлискомъ обществѣ, впервые заронили въ душу Гаджи-Мурата искру неудовольствія къ русскимъ. Впрочемъ, когда главнокомандующій сказалъ ему прямо, что на спасеніе его семейства рассчитывать болѣе нечего, потому что сдѣлать болѣе того, что было сдѣлано при переговорахъ съ Шамилемъ, нельзя, Гаджи-Муратъ объявилъ, что онъ давно уже отчаялся въ этомъ и, поручая свое семейство милосердому Богу, просить позволенія отправиться въ Дагестанъ для участванія въ экспедиціяхъ противъ Шамиля. До полученія же согласія на это князя Аргутинскаго—котораго ожидали въ Тифлисъ—онъ выразилъ желаніе отправиться въ Нуху и провести тамъ нѣсколько времени въ исполненіи своихъ религіозныхъ обрядовъ.

Князь Воронцовъ согласился, тѣмъ болѣе, что въ это время начальникомъ Нухинскаго уѣзда былъ подполковникъ Каргановъ, лично извѣстный главнокомандующему своею энергіею и распорядительностію. Къ сожалѣнію, назначенный сопровождать Гаджи-Мурата въ этой поѣздкѣ, умный и дѣятельный капитанъ Лорисъ-Мелиховъ, неразъ доказавшій свою способность обращаться съ подобными людьми, опасно заболѣлъ и долженъ былъ уступить свое мѣсто другому. Выборъ главнокомандующаго остановился на капитанѣ Бучиковѣ. Это былъ офицеръ извѣстной храбрости, заслужившій на Кавказѣ георгіевскій крестъ, но недостаточно опытный въ сношеніяхъ съ азіятцами, и повтому сдѣлавшій такіа упущенія, которыя приготовили кровавую развязку.

Едва прошло нѣсколько дней со времени отъѣзда Гаджи-Му-

рата, какъ вдругъ Тифлисъ, будто громомъ, былъ пораженъ извѣстiемъ о бѣгствѣ Гаджи-Мурата въ горы. Оказалось, что растерявшiйся Бучкiевъ самъ прискаталъ въ Тифлисъ донести князю Воронцову объ этомъ происшествiи. Князь, острашно разсердившiйся, сказалъ Бучкiеву, что мѣсто его не здѣсь, а тамъ, въ нухинскихъ садахъ, на слѣдѣ бѣжавшихъ. Онъ былъ чрезвычайно встревоженъ, не зная, какъ приметъ извѣстiе Государь, оставившiй Гаджи-Мурата на личную его отвѣтственность. Тифлисъ волновался. Къ счастью, почти вслѣдъ за Бучкiевымъ прiѣхалъ начальникъ нухинскаго участка, князь Аргутинскiй, съ новымъ донесенiемъ отъ подполковника Карганова, что Гаджи-Муратъ пойманъ, убитъ и привезенъ въ Нуху, откуда голова его будетъ отправлена въ Тифлисъ для усмиренiя жителей.

Вотъ какъ, по словамъ князя Воронцова, происходило дѣло:

Гаджи-Мурату дали въ Нухѣ черезчуръ большую свободу. Правда, за нимъ былъ учрежденъ строгiй надзоръ, и ночью вокругъ его дома всегда выставлялись секретные караулы; но днемъ Бучкiевъ позволялъ ему выѣзжать, въ сопровожденiи только пяти-шести казаковъ, что было, конечно, недостаточно, когда Гаджи-Муратъ имѣлъ при себѣ своихъ четырехъ вооруженныхъ нукеровъ. О какой-нибудь попыткѣ, съ его стороны, днемъ, повидимому, не могло быть и рѣчи, потому что нухинскiе жители, помня наведенный на нихъ Гаджи-Муратовъ страхъ, смотрѣли на него довольно враждебно и сами сторожили его не хуже нашихъ казаковъ. Тамъ прошло нѣсколько времени. Однажды, обѣдая у подполковника Карганова, Гаджи-Муратъ изъявилъ желанiе осмотрѣть окрестности города. Каргановъ охотно принялъ предложенiе и, вмѣстѣ съ Бучкiевымъ, сопровождалъ его въ этой увеселительной прогулкѣ. Вернулись домой довольно поздно, условившись на будущее время чаще предпринимать подобныя поѣздки, доставлявшiя, какъ казалось тогда, суровому Гаджи-Мурату дѣтское удовольствiе. На слѣдующiй день, 22-го апрѣля, Гаджи-Муратъ проснулся не въ духѣ и жаловался на нездоровье. Обѣдалъ онъ дома, а, спустя нѣсколько времени, передъ самымъ вечеромъ, испросивъ позволенiе, опять отправился къ Карганову въ сопровожденiи своихъ нукеровъ и отличнаго урядника съ пятью линейными казаками, изъ вонвой главкомавдующаго. Самъ Бучкiевъ остался дома. Казакамъ ничего не было сказано, куда провожать Гаджи-Мурата, а потому они свободно дали ему выѣхать за городъ. Отѣхавъ версты полторы отъ городской заставы, Гаджи-Муратъ вдругъ выхватилъ изъ-за по-

яса свой пистолетъ и, повернувшись въ сѣдлѣ, почти въ упоръ выстрѣлялъ въ урядника. Урядникъ повалился мертвымъ. Въ ту же самую минуту одинъ изъ его нукеровъ убилъ другаго казака, бѣжавшаго рядомъ съ Гаджи-Муратомъ, и вся компанія пустилась скакать во весь опоръ по направленію къ Самурскому округу.

Когда прискакавшіе казаки подняли тревогу въ Нухѣ, и капитанъ Бучкѣевъ, сѣвъ въ тарантасъ, поскакалъ въ Тифлисъ, подполковникъ Каргановъ тотчасъ принялъ энергическія мѣры къ поимкѣ бѣжавшихъ. Зная, что все проходы по ущелиямъ, ведущимъ въ Самурскій округъ, заняты нашими караулами, онъ приказалъ милиціи скакать внизъ, на плоскость, держась приблизительно того направленія, по которому, въ 1850 году, Гаджи-Муратъ, вторгнувшійся въ Нухинскій уѣздъ, шелъ на Бабаратминскую станцію. Распоряженіе это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: 23-го апрѣля, утромъ, бѣглецы были открыты и окружены, около деревни Белядушка, находившеюся тамъ сотнею шущинской и, частію, нухинской милиціи. Они завязали перестрѣлку. Гаджи-Муратъ, съ четырьмя нукерами, бросился искать спасенія въ гущѣ лѣса и засѣлъ въ глубокую яму, вырытую тутъ же кияжалами и шапками горцевъ. Къ десяти часамъ утра, лѣсъ былъ окруженъ какъ этою милиціею, такъ и вновь-прибывшими частями, а равно и жителями ближайшихъ и даже самыхъ дальнихъ деревень, прискакавшими сюда чуть не съ левгинской линіи, подъ начальствомъ Хаджи-аги, родственника Даніель-Султана и кровнаго врага самого Гаджи-Мурата. Несмотря на все убѣжденія маіора Туманова, распорядившагося всею облавою, Гаджи-Муратъ не хотѣлъ сдаваться. Онъ умеръ, по выраженію князя Воронцова, какъ жилъ, т. е. отчаянно-храбро. Мюриды его зарѣзали своихъ лошадей и держались до тѣхъ поръ, пока не разстрѣляли всехъ своихъ патроновъ. Тогда, съ обнаженною головою, безъ шапки, Гаджи-Муратъ, какъ тигръ, выскочилъ изъ своей засады и, съ шашкою въ рукѣ, одинъ врѣзался въ густыя толпы милиціонеровъ. Онъ былъ изрубленъ на мѣстѣ; съ нимъ пали двое мюридовъ, а остальные два, израненные, были взяты въ плѣнъ и, впоследствии, преданы военному суду. Съ нашей стороны было убито два и ранено девять милиціонеровъ.

Когда преслѣдователи возвратились въ Нуху и привезли съ собою тѣло Гаджи-Мурата, все народонаселеніе этого города и даже окрестностей вышло навстрѣчу съ своею національною музыкою, съ зурною, накарромъ и съ громкими криками ура!, свидѣтельствовавшими объ общей народной радости. Голова Гаджи-Мурата была отрублена и тотчасъ отправлена въ Тифлисъ, гдѣ ее долго

можно было видѣть въ зданіи полиціи, такъ какъ князь Воронцовъ почелъ неприличнымъ показывать ее публично, на площади, воткнутою на длинный шестъ, какъ того требовали многіе тифлисскіе жители. Впослѣдствіи ее отправили въ Петербургъ къ доктору Пирогову, у котораго хранился уже черепъ намба Идриса, убитаго подъ Салтани. Сколько помнится, намъ говорили, что голова Гаджи-Мурата была передана въ одинъ изъ нашихъ санктпетербургскихъ музеевъ.

«Было бы черезчуръ длинно» — писалъ князь Воронцовъ военному министру, сообщая ему конецъ Гаджи-Мурата — «входить во всѣ подробности о томъ, что я увидѣлъ и что узналъ объ удивительномъ характерѣ этого человѣка. Скажу одно: смерть его освободила меня отъ большой ответственности. Этотъ неустрашимый человѣкъ — обоюдо-острый мечъ, и причинилъ бы намъ много хлопотъ и безпокойства, потому что его честолюбіе равнялось только его храбрости, а храбрость его не знала прѣдѣловъ. Въ тому же, его религіозныя мнѣнія всегда казались кнѣ искренними и въ будущемъ могли насъ ставить въ большое затрудненіе»....

Тѣ обстоятельства, которыя заставили Гаджи-Мурата вторично, и такъ внезапно, измѣнить намъ, до сихъ поръ остаются неразъясненными. Князь Воронцовъ полагалъ, что причиною была тоска по семейству, а, можетъ быть, и опасенія, что князь Аргутинскій, какъ говорили многіе, не согласится взять его къ себѣ въ Дагестанъ, и, вслѣдствіе того, его положеніе у насъ дѣлалось бы весьма неопредѣленнымъ и даже шедотливымъ. Напротивъ, нѣкоторые горцы, отлично знавшіе характеръ Гаджи-Мурата, говорили, что было бы всего вѣрнѣе предположить не эти мелочныя причины, а то, что Гаджи-Муратъ, имѣвшій большія сношенія съ лезгинами, хотѣлъ пробраться въ Закавказье и сдѣлаться независимымъ владѣльцемъ какъ отъ Шамиля, такъ и отъ русскихъ, относительно которыхъ онъ, во время пребыванія въ Тифлисѣ, обогатилъ себя многими полезными и важными свѣдѣніями.

Но такъ или иначе, а Шамиль, во всякомъ случаѣ, потерялъ въ Гаджи-Муратѣ лучшаго намба въ цѣломъ Дагестанѣ, отважные и смѣлые набѣги котораго наводили страхъ не только на пограничныя мирныя аулы, но и на отдаленныя наши закавказскія провинціи.

1870 года.

В. Потто.